

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

ТУРЦИЯ И ЛИВАН В РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

© 2018

Н. М. ГОРБУНОВА, И. И. ИВАНОВА

Институт востоковедения РАН

В статье делается попытка проанализировать характер взаимосвязей и взаимных интересов Турции и Ливана. Особенности контактов между этими государствами отражают многие противоречия регионального масштаба и позволяют, с одной стороны, понять, почему Ливан занял нейтральную позицию по отношению к военно-политическому кризису в Сирии, с другой — охарактеризовать основные направления внешней политики крупнейшей региональной державы — Турции.

Ключевые слова: Турция, Ливан, сирийский кризис, Ближний Восток, региональные политические и экономические отношения.

DOI: 10.7868/S0869190818020115TURKEY AND LEBANON IN REGIONAL RELATIONS
AT THE PRESENT STAGE

Nataliya M. GORBUNOVA, Inessa I. IVANOVA

Institute of Oriental Studies, Moscow

The article attempts to analyze the bilateral relations and mutual interests of Turkey and Lebanon. The nature of contacts between these states reflects many regional contradictions and allows, on the one hand, to understand why Lebanon has occupied a neutral position towards the military and political crisis in Syria and, on the other hand, to characterize the key foreign policy directions of the largest regional power — Turkey.

Keywords: Turkey, Lebanon, Syrian crisis, Middle East, regional political and economic relations.

В последнее десятилетие в межрегиональных отношениях стран Ближнего Востока произошли заметные сдвиги. Прежде всего это обусловлено начавшейся в 2011 г. и продолжающейся уже седьмой год кровопролитной гражданской войной в Сирии.

Большой интерес в этом контексте представляют собой политические и экономические связи между крупной региональной державой Турцией и небольшим Ливаном,

ГОРБУНОВА Наталия Максовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, nigorbunov@mail.ru.

ИВАНОВА Инесса Ильинична — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Nataliya M. GORBUNOVA — PhD (in History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Moscow.

Inessa IVANOVA — PhD (in History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Moscow.

с разных сторон зажатых государствами — участниками Ближневосточного конфликта. Проанализировать эти связи, их развитие и перспективы важно для прояснения непрерывно меняющихся взаимоотношений между ближневосточными странами.

Турция и Ливан располагают общим историческим и культурным наследием, хотя и существенно отличаются друг от друга. Если Турция после распада Османской империи осталась независимым государством, то народу Ливана долгое время пришлось бороться за отмену французского мандата и государственный суверенитет. Получив в 1943 г. независимость, Ливан начал налаживать отношения с соседями, и в 1946 г. состоялся визит первого президента Ливанской республики Бишара эль-Хури в Турцию. В 1955 г. Ливан посетили турецкие лидеры: премьер-министр Аднан Мендерес и президент Джемаль Байяр [*Türkiye'nin Lübnan politikası...*].

После государственного переворота 1960 г. турецкие руководители неоднократно заявляли о стремлении укреплять связи с арабскими странами, но реальные шаги в этом направлении были сделаны лишь в середине 1960-х гг. Стремясь получить арабскую поддержку в кипрском вопросе, Турция инициировала серию взаимных визитов на разных уровнях. В конце 1964 г. она направила в столицы арабских государств, в том числе в Бейрут и Дамаск, миссии доброй воли [Иванова, 1985, с. 37]. Однако руководство арабских государств настораживало тесные турецко-израильские связи.

В конце 1960-х гг. попытки Турции укрепить связи с арабскими странами начали давать результаты, в частности, расширился экспорт турецких товаров в эти государства. В 1969 г. между Турцией и Ливаном было подписано торговое соглашение; в Бейруте начала работать арабо-турецкая торговая палата [там же, с. 48; *Milliyet*, 30.12.1969]. На рынках арабских стран появились турецкие холодильники, стиральные машины, телевизоры и т.д. Существенную роль сыграла географическая близость, позволявшая экономить на перевозках, но торговая экспансия Турции тормозилась низкой платежеспособностью арабского населения.

В ситуациях конфликтов, периодически вспыхивавших в арабских странах, Анкара последовательно сохраняла нейтралитет. Например, в октябре 1969 г., когда начались столкновения между отрядами правых сил Ливана и Организации освобождения Палестины (ООП), премьер-министр Турции Сулейман Демирель заявил, что “его страна верна принципу невмешательства во внутренние дела соседних государств” [Иванова, 1985, с. 51–52]. Однако в контексте арабо-израильского конфликта Турция открыто поддерживала Палестинское движение сопротивления и признала ООП в качестве единственного законного представителя палестинского народа [там же, с. 74; *Cumhuriyet*, 07.05.1975].

Подчеркивая “беспристрастность” в отношениях с арабскими государствами, турецкие руководители тем не менее отдавали предпочтение развитию контактов с консервативными арабскими режимами Саудовской Аравии, Кувейта и ОАЭ, полагая, что это создаст “огромные возможности для Турции” [*Hürriyet*, 15.06.1979], переживавшей быстрое развитие рыночной экономики. В стране ширилось лево-демократическое движение и одновременно активизировались крайне правые организации и клерикальные группировки. Угроза поворота от тотальной секуляризации, инициатором которой выступил первый президент Турции Мустафа Кемаль Ататюрк, к исламизации страны предопределила захват 12 сентября 1980 г. власти военными.

Во внешнеполитической сфере военные в целом придерживались курса предыдущих правительств на укрепление отношений с арабскими странами, хотя большое значение придавалось налаживанию связей с США и государствами — участниками НАТО. Осуdiv израильское вторжение 1982 г. в Ливан, турецкий МИД не упомянул роль и позицию США в этом конфликте. Министр иностранных дел Турции Ильгер Тюркмен потребовал, чтобы Израиль немедленно прекратил агрессию и перестал посягать на территориальную целостность Ливана [*Hürriyet*, 07.06.1982]. Нападение ливанских правохристианских сил при поддержке израильской армии на лагеря палестинских беженцев Сабру и Шатилю в Западном Бейруте вызвало в Турции (как и во всем мире) взрыв возмущения. Глава

турецкого государства Ахмет Кенан Эврен решительно осудил эти “зверские и варварские акции” и оккупацию Израилем Южного Ливана [*Cumhuriyet*, 05.09, 21.09.1982].

Широкое обсуждение в Турции развернулось вокруг вопроса о помощи жертвам израильской агрессии в Ливане. Некоторые газеты высказывались в том смысле, что Анкара не может ограничиться лишь выражением озабоченности и что пассивный характер турецкой политики “противоречит заветам Ататюрка и историческому опыту борьбы за национальную независимость”. Однако Турция предпочла не реагировать на разрушение израильскими бомбами здания турецкого посольства в Бейруте [*Milli Gazete*, 11.06, 10.09.1982]. В Турции полагали, что основная цель Израиля в Ливане – разгром ООП – не была достигнута, хотя палестинские боевики покинули Западный Бейрут. Специальное заявление по этому поводу сделал министр иностранных дел И. Тюркмен, потребовавший от Израиля выполнения обязательств по сохранению независимости и территориальной целостности Ливана [*Hürriyet*, 20.09.1982].

Непоследовательность турецких руководителей в отношении событий на Ближнем Востоке проявилась в конце 1983 г. в связи с провозглашением Турецкой Республики Северного Кипра (ТРСК). Очевидно, что без “благословения” Анкары руководители турецкой общины на Кипре не решились бы на такой серьезный шаг. Поэтому ответственность за признание новой “республики” взяло на себя правительство премьер-министра Бюлента Улусу, в декабре 1983 г. ушедшее в отставку, и новый кабинет Тургута Озала формально оказался поставленным перед фактом этого признания.

Важным решением правительства Б. Улусу стало предоставление США возможности пользоваться турецкой военно-воздушной базой в Инджирлике для обеспечения материально-технического снабжения американских подразделений из состава “многонациональных сил” в Ливане [*Cumhuriyet*, 09.12.1983].

Таким образом, турецкое руководство стремилось одновременно превратить страну в ближневосточного лидера и посредника между Западом и арабским Востоком.

Что касается Ливана, то новейшую политическую историю этой страны невозможно рассматривать без учета последствий гражданской войны 1975–1989 гг., среди которых – оккупация Ливана сирийской и (южных районов) израильской армиями, возникновение и усиление различных вооруженных формирований, развал экономики и инфраструктуры. В свою очередь, деятельность в Турции военизированной Рабочей партии Курдистана создавала угрозу национальной безопасности и государственности Ливана, где участились акты терроризма, в том числе направленные и против Турции. Так, в 1976 г. в Бейруте был убит турецкий посол Октар Джирит [*Türkiye'nin Lübnan politikası...*].

Несмотря на подписание в 1989 г. в Ат-Таифе (Саудовская Аравия) лидерами различных политических сил Ливана мирного соглашения, влияние израильской и сирийской оккупации в 1990-е гг. еще оставалось заметным: Бейруту не удавалось проводить независимую от Дамаска внешнюю политику, а напряженность в турецко-сирийских отношениях напрямую отражалась на ливанской политике Анкары. Поэтому смягчение в 2000-е гг. отношений между Турцией и Сирией положительно сказалось и на турецко-ливанских контактах. Стратегия пришедшей в 2001 г. к власти в Турции Партии справедливости и развития (ПСР), нацеленная на расширение регионального политического и экономического сотрудничества, способствовала упрочению связей Анкары с арабскими странами, в том числе с Ливаном. Важными событиями стали визиты ливанского премьер-министра Рафика Харири в Турцию (май 2004 г.) и турецкого министра иностранных дел Абдуллы Гюля в Ливан (июль 2004 г.). В ходе этих визитов между двумя странами был подписан ряд соглашений [*Basbakan Erdoganın Beyrut ziyareti işginda...*].

В 2000-е гг. важным компонентом турецкой внешней политики в регионе стало использование “мягкой силы”. Тот факт, что Турция выступала за разрешение конфликтов мирными средствами, а ее посредничество положительно воздействовало на противоборствовавшие стороны в Ливане, превращало ее в центр притяжения различных сил.

Случившийся 14 февраля 2005 г. мощный теракт в Бейруте, жертвами которого стали ливанский миллиардер и политический деятель Рафик Харири и еще 21 ливанец, предопределил заметные изменения во внутренней политике Ливана. В стране начались демонстрации протеста, направленные против Сирии, правительство которой не без основания подозревало в причастности к этому преступлению. В результате возросло международное давление на Дамаск, и в апреле 2005 г. сирийские войска были полностью выведены из Ливана.

Турция предпочла остаться в стороне от обвинений в адрес Сирии, более того, президент Турции Ахмет Недждет Сезер посетил в апреле 2005 г. Дамаск с официальным визитом. В июне 2006 г. в Турции побывал ливанский премьер-министр Фуад Синьора. Анкара стремилась решать проблемы отношений с соседями исключительно дипломатическим путем. Подобную позицию она заняла во время ливано-израильской войны 2006 г., оказав моральную поддержку ливанскому правительству и осудив Израиль как агрессора, что способствовало улучшению отношений между Анкарой и Бейрутом. Заметный импульс эти отношения получили после присоединения турецкого воинского контингента (около 300 солдат и офицеров) к миротворческим силам ООН на юге Ливана.

Другим важным элементом двусторонних связей стала гуманитарная помощь, отправленная Турцией в Ливан после войны 2006 г. Турция приняла активное участие в восстановлении страны, предоставив Ливану 50 млн долларов. Когда в 2007 г. в Ливане разразился очередной военно-политический кризис, вызванный невозможностью проведения президентских выборов из-за раскола элит, Турция призвала стороны к мирному разрешению конфликта между правительственной коалицией и оппозицией. Мирные переговоры, на которых присутствовал неофициальный представитель турецкого правительства, проходили в Дохе (Катар). В Ливане высоко оценили роль Турции и Катара в достижении консенсуса: премьер-министры этих стран были приглашены на заседание ливанского парламента (25 мая 2008 г.), на котором был избран новый президент страны Мишель Сулейман [Савичева, 2008, с. 6].

После президентских выборов, состоявшихся в Ливане 7 июня 2009 г., прошли выборы в Национальный парламент, за места в котором боролись две политические коалиции: 1) просирийский “Блок 8 марта”, в который входили “Хезболла” во главе с шейхом Хасаном Насраллой, шиитская партия “Амаль” под руководством Набиха Берри и христианское “Свободное патриотическое движение” Мишеля Ауна; 2) антисирийский “Блок 14 марта” во главе с лидером суннитского “Движения за будущее” (“Аль-Мустакбаль”) Саадом Харири и ряд христианских партий [Шевченко, 2014]. 71 депутатское место из 128 получил “Блок 14 марта”. Саад Харири, сын убитого Рафика Харири, занял пост премьер-министра.

В июле 2009 г. тогдашний министр иностранных дел Турции Ахмет Давутоглу посетил Бейрут. Соглашения, подписанные по итогам визита, касались двустороннего сотрудничества во многих сферах:

- Соглашение об отмене визового режима (11 января 2010 г.);
- Соглашение о военной подготовке, техническом и научном сотрудничестве в военной сфере (11 января 2010 г.);
- Меморандум к соглашению о сотрудничестве в области сельского хозяйства (11 января 2010 г.);
- Меморандум к соглашению о сотрудничестве в области лесного хозяйства (11 января 2010 г.);
- Меморандум к соглашению о взаимном признании сертификатов международной конвенции по стандартам обучения, сертификатов по морскому надзору (11 января 2010 г.);
- Соглашение о сотрудничестве в области здравоохранения (11 января 2010 г.);
- Соглашение о свободной торговле (24 ноября 2010 г.);

— Совместная политическая декларация об учреждении Совета стратегического сотрудничества и координации на высшем уровне (24 ноября 2010 г.).

Последние два документа были подписаны в ноябре 2010 г. во время двухдневного визита Р. Эрдогана в Бейрут, где он встречался с председателем парламента Набихом Берри и премьер-министром Саадом Харири [Турция и Ливан намерены...].

В июне 2010 г. в Турции состоялся турецко-арабский форум, на котором была подписана декларация о создании четырехстороннего Совета сотрудничества на высшем уровне между Турцией, Сирией, Иорданией и Ливаном. В частности, в документе говорилось о формировании зоны свободной торговли [там же]. В Ливане с признательностью и пониманием были восприняты инициативы турецкого премьер-министра по преодолению правительственного кризиса, снова возникшего в 2010–2011 гг.

Вполне предсказуемой стала реакция многих ливанцев на действия Израиля, воспрепятствовавшего доставке в мае 2010 г. в сектор Газа гуманитарного груза из Турции “Голубой флотилией”. В ряде ливанских городов прошли демонстрации солидарности с Турцией в связи с убийством в ходе израильской операции 9 турецких граждан.

Официальные отношения между Турцией и Ливаном резко контрастируют с их позицией по сирийской проблеме. С самого начала в 2011 г. вооруженных столкновений между регулярной армией Сирии и отрядами “Свободной сирийской армии”, сражавшейся против режима Башара Асада, Турция выступала на стороне оппозиции, представлявшей сирийских суннитов. В свою очередь, отряды ливанской шиитской организации “Хезболла”, поддерживавшиеся Ираном, в течение всего периода сирийской гражданской войны воевали на стороне Асада и сирийской армии, костяк которой составляли алавиты, близкие в религиозном отношении к шиитам. Между тем негативное отношение турецких властей к режиму Башара Асада обусловлено не столько религиозными предпочтениями, сколько запутанной курдской проблемой (которая в данной статье не рассматривается).

Вместе с тем в Ливане сирийские события отозвались обострением межконфессиональных противоречий. На севере страны, в Триполи, начались вооруженные столкновения между радикальными суннитами, с одной стороны, и алавитами и суннитами, поддерживавшими сирийского президента, — с другой [Шевченко, 2014].

Как уже отмечалось выше, на стороне Асада выступили военизированные отряды шиитской “Хезболлы” (40–50 тыс. бойцов). За шесть лет боевых действий они понесли значительные потери, но восполняли их за счет военной и финансовой помощи Ирана. Влияние “Хезболлы” за последние годы сильно возросло: фактически она превратилась в трансарабскую организацию. В Ливане она не уступает по силе республиканской армии, а порой и подменяет ее собой. Но в сирийские события были активно вовлечены и ливанские сунниты. Ливанско-сирийская граница не контролировалась, поэтому ее свободно пересекали боевики и транспорты с оружием, боеприпасами и продовольствием. Сирия обвиняла Турцию и Ливан в поставках оружия сирийским боевикам [*Новини світу*].

Важным фактором, ухудшившим политическую ситуацию в Ливане в связи с гражданской войной в Сирии, стала проблема сирийских беженцев. При численности населения Ливана примерно в 4 млн человек число беженцев на его территории превысило 1 млн [Попов, 2013]. Помощь беженцам составляет значительную часть национального бюджета, и Ливану приходится просить финансовой поддержки у других стран и международных организаций. Турция также оказывала гуманитарную помощь сирийским беженцам в Ливане.

Тем не менее недовольство позицией Турции в сирийском конфликте постепенно стало расти как среди ливанских политиков, так и в массах населения. Стремясь преодолеть подъем антитурецких настроений, Анкара приступила к расширению культурных связей между двумя странами: в частности, в Бейруте был открыт турецкий культурный центр имени Юнуса Эмре — видного литератора и общественного деятеля [Институт имени Юнуса Эмре...].

В мае 2012 г. в Ливан прибыл тогдашний премьер-министр Турции Ахмед Давутоглу, который принял участие в форуме под председательством Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна, став единственным неарабским министром на этой встрече [Кандахарян, 2012].

Судя по отзывам в прессе, встречи Давутоглу с президентом и премьер-министром Ливана имели позитивный характер — в отличие от его контактов с председателем парламента и представителями “Хезболлы”. В Бейруте Давутоглу провел переговоры с лидерами ливанских христианских общин, предложив, в частности, провести в Турции совещание между представителями мусульманского и христианского духовенства Ливана. Эта инициатива была призвана подчеркнуть надконфессиональный характер турецкой внешней политики и упрочить роль Анкары в качестве арбитра в ближневосточных делах [там же]. Главный принцип турецкой внешней политики в тот период был сформулирован как “ноль проблем с соседями”.

В свою очередь Ливан, находясь в выжидательном положении ввиду зависимости от событий в Сирии и вокруг нее, вынужден был с особой осторожностью учитывать последствия своих политических шагов.

По мнению российского исследователя А.Г. Гаджиева, возникающие по разным причинам вооруженные столкновения в Ливане могут распространиться практически на весь Ближний Восток, так как растущее суннитско-шиитское противостояние постепенно охватывает все страны региона [Гаджиев, 2012]. По мнению турецких исследователей, для предотвращения ухудшения обстановки в Ливане Турция должна принимать более активное участие в урегулировании межконфессиональных разногласий в этой стране. Эксперты полагают, что это позволит расширить турецкое влияние на территории Ливана. Сотрудник турецкого Центра стратегических исследований (BILGESAM) Ясин Атлыоглу указывает:

“Ливан — это страна, где внутренняя политика строится на весьма скользкой основе и чревата опасностью возникновения кризиса. Турции необходимо акцентировать свои усилия на посреднической роли. Однако это не так просто... С точки зрения политической, экономической и военной мощи Ливан является слабым государством, но благодаря своему географическому положению и значению в региональной расстановке сил имеет стратегическую важность, поскольку обстановка в Ливане способна оказывать воздействие на ситуацию в Палестине, Ираке и на Кипре”.

Свое мнение о словах Атлыоглу высказал ливанский политический обозреватель Джихад Аль-Зейн: “Анкара часто путает посредническую роль со стремлением стать региональной силой” (цит. по: [Гаджиев, 2012]).

После вспыхнувшего в 2011 г. в Сирии восстания против режима Б. Асада и сближения Турции с “суннитским региональным блоком” турецко-сирийские отношения обострились, а влияние Турции в Ливане снизилось. Для Бейрута Анкара была важна в качестве посредника, а не “лидера мусульманских стран с преимущественно суннитским населением”, поскольку это могло бы нарушить конфессиональный баланс и стабильность в стране.

В контексте нынешнего состояния турецко-ливанских отношений более заметную роль начал играть “армянский фактор”, так как ливанские армянские общины и организации препятствуют развитию контактов между Анкарой и Бейрутом.

Наиболее значимыми результатами турецко-ливанского сотрудничества в 2010-е гг. стали: появление турецких военных частей на юге Ливана (в рамках миротворческих сил ООН); строительство больниц и учебных заведений; инициативы в культурной и экономической сферах.

И все же эксперты указывают на заметное ослабление политических позиций Турции в Арабском мире. Так, турецкий политолог Сами Кохен отмечал, что какое-то время назад Турция успешно осуществляла посреднические функции при разрешении противоречий между Сирией и Израилем, Ираком и Сирией, Ираном и США, между суннитами

и шиитами в Ираке и Иране, однако вследствие политики, проводившейся правительством Р. Эрдогана, которое предпочло занять “принципиальную позицию” в отношении режима Б. Асада, Турция лишилась возможности влиять на решение важнейших региональных вопросов [Milliyet, 20.08.2013].

Между тем регулярные обмены визитами официальных лиц Турции и Ливана происходили в течение всех последних лет. Например, 30 января 2013 г. ливанский премьер-министр Наджиб Микати посетил Анкару, где провел переговоры с Р. Эрдоганом.

Однако постоянный рост в 2010-е гг. напряженности и вооруженные столкновения в Сирии, Ираке и Йемене вынуждали турецкое руководство вырабатывать все более сложную конфигурацию отношений с соседями. Участие (с сентября 2015 г.) российской армии на стороне Б. Асада в его борьбе с Исламским государством (ИГ), в том числе бомбежки, осуществлявшиеся российскими ВВС, объектов ИГ в непосредственной близости от границ Турции, обусловило еще большую вовлеченность Анкары в сирийский конфликт. Ситуация обострилась после того, как 24 ноября 2015 г. турецкими военными был сбит российский самолет СУ-24, якобы нарушивший воздушное пространство Турции [Иванова, 2017, с. 381].

Заметным событием в жизни Турции стала отставка в мае 2016 г. премьер-министра Ахмета Давутоглу. Новый глава кабинета Бинали Йылдырым в основу внешнеполитического курса страны положил принцип “больше друзей, меньше врагов” и поставил своей задачей, прежде всего, урегулирование отношений с Россией, Израилем, Египтом и Сирией.

24 августа 2016 г. Турция при поддержке “Свободной сирийской армии” начала на территории Сирии вооруженную операцию под названием “Щит Евфрата”, направленную против сил самообороны сирийских курдов. Еще одной задачей нового правительства стало ослабление иранского влияния на Дамаск путем вытеснения из Сирии в Ливан отрядов “Хезболлы”.

Новый импульс двусторонним отношениям дал визит министра иностранных дел Турции Мевлюта Чавушоглу в Ливан по случаю избрания в декабре 2016 г. — после продолжавшегося два с половиной года политического кризиса — генерала Мишеля Ауна президентом Ливанской Республики. Маронит М. Аун, в течение многих лет добивавшийся этого поста, смог обеспечить согласие лидеров “Хезболлы” и других политических организаций на постепенную “деконфессионализацию Ливана” [Рассадин, 2005]. Чавушоглу провел встречи и переговоры с ливанскими руководителями и выразил особую благодарность за поддержку, оказанную Турции в связи с неудавшимся переворотом 15 июля 2016 г. [Sabah, 02.12.2016].

Двусторонние политические отношения сопровождаются расширением экономического сотрудничества. В 2015 г. Турция стала 6-м по величине импортером ливанских товаров и оказалась на 9-м месте по объему экспорта в Ливан. Турки участвовали в сооружении электростанций в Сайде и Бейруте. Визит М. Чавушоглу в Бейрут в декабре 2016 г. подтвердил готовность Анкары продолжать курс на всестороннее развитие отношений и оказание помощи Ливану [ibid].

По мнению экспертов Ливанского института исследований и стратегического анализа (MEIRSS), “Турция стала влиятельным региональным игроком на Ближнем Востоке после создания А. Давутоглу новой дорожной карты турецкой внешней политики, которая сфокусировалась на росте влияния Турции в этом регионе. Таким образом, Анкара преуспела как в приобретении друзей, так и, конечно, сильных врагов. Но в любом случае она делает большие успехи” [Turkish Foreign Policy Under the AKP Rule...].

Проблемой, усложняющей отношения между странами ближневосточного региона, остается отсутствие четкой демаркации морских границ, ставшей особенно важной в связи с открытием в Восточном Средиземноморье богатейших месторождений газа. Борьба за перспективные участки их разработки и выдачу лицензий международным

и национальным компаниям привела к обострению отношений между Ливаном и Израилем, Израилем и Кипром, а также Турцией и Кипром.

Логику развития турецко-ливанских отношений, их подоплеку трудно понять без рассмотрения политико-экономических интересов других стран региона, в том числе Ирана. Все ближневосточные государства стремятся превратить Ливан в своего союзника, используя его стратегически важное географическое положение. Для этого используются и методы прямого давления, и финансовые рычаги. Так, по сообщению ливанской газеты “Аль-Ахбар”, в случае неудачи со смещением Б. Асада с поста президента Сирии страны Персидского залива и Саудовская Аравия намеревались осуществить “план Б”, нацеленный против главного союзника Асада – “Хезболлы” и на “подрыв стабильности в Ливане”. Кроме того, в начале 2017 г. государства Залива заморозили помощь Бейруту на общую сумму в 4 млрд долларов [Al-Akhbar, 04.03.17].

Далее в сообщении говорится, что “Ливан превратился в арену ожесточенной схватки между разведками различных государств, прежде всего России и Турции”. “Аль-Ахбар” утверждает, что в Турции создана база данных на 84 тыс. ливанцев туркменского происхождения и собрана информация об их занятиях, местах проживания и т.д. Газета дает понять, что туркмены будут использованы в качестве ударной силы с целью подрыва существующего политического порядка в стране, влияния “Хезболлы” и для обострения конфликта между шиитами и суннитами на севере страны [ibid].

Несмотря на попытки перетянуть Ливан на ту или иную сторону в сирийском конфликте, позиция властей этой страны остается неизменной. Она четко выражена в словах посла Ливанской Республики в России Шауки Бу Нассара: “Мы не вступим ни в какие коалиции против арабских стран или же с какой-либо из арабских стран. Насколько мы можем, мы пытаемся примирить арабские страны” [Ливан не будет вмешиваться в сирийский кризис...].

Современная ситуация в Ливане показывает, что эта страна подвержена сильному внешнему влиянию. Находясь в центре Большого Ближнего Востока, Ливан, естественно, участвует в формировании региональной политики и стремится участвовать в разрешении региональных конфликтов. В свою очередь, Турция в контексте сирийского кризиса сталкивается с большими проблемами, когда стремится усилить свое влияние на Ливан. Таким образом, изменение баланса военно-политических сил в регионе во многом будет зависеть от решения затянувшегося Сирийского конфликта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гаджиев А.Г. *Ливанская политика Турции в условиях роста регионального суннитско-шиитского противостояния (по материалам турецких аналитических центров)* [Gadzhiev, A.G. Lebanon Politics of Turkey and the Growth of Sunni-Shiah Confrontation (in Russian)] // <http://www.iimes.ru/rus/stat/2012/27-05-12c.htm>.

Иванова И.И. *Турецко-арабские отношения и их место в системе международных связей на Ближнем Востоке (1945–1983)*. М.: Наука, 1985 [Ivanova I.I. *Turetsko-arabskie otnosheniia i ih mesto v sisteme megdunarodnih otnoshenii na Blizhnem Vostoke (1945–1983)*. Moscow: Nauka, 1985].

Иванова И.И. *Эволюция ближневосточной политики Турецкой республики (1923–2016)*. М.: Аспект Пресс, 2017 [Ivanova I.I. *Evolutsia bliznevostochnoi politiki Turetskoi respubliki (1923–2016)*. Moscow: Aspect Press, 2017].

Рассадин П.А. *Маронитский фактор в современном Ливане*. 29 апреля 2005 г. [Rassadin, P.A. Maronite Factor in Contemporary Lebanon. 29.04.2005 (in Russian)] // www.iimes.ru/p=3601.

Савичева Е.М. Ливан и Турция: конструктивный диалог в сложной региональной обстановке // *Вестник РУДН*, серия Международные отношения. 2008, № 4, с. 52–61. [Savicheva E.M. Lebanon and Turkey: Constructive Dialogue in a Complicated Regional Situation. *Vestnik RUDN*, 2008, № 4].

Шевченко В. Сирийский кризис и ситуация в Ливане // *Новое восточное обозрение* [Shevchenko, V. “Syrian Crisis and Situation in Lebanon”, in *Novoe vostochnoe obozrenie*] // <http://ru.journal-neo.org/2014/01/08/sirijskij-krizis-i-situatsiya-v-livane/>.

ИСТОЧНИКИ

Институт имени Юнуса Эмре — <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.

Кандахарян Ш. Активизация турецкого фактора в Ливане // *Аздак* (Бейрут), май 2012 г. — www.theanalyticon.com/=19508 lang=ru.

Ливан не будет вмешиваться в сирийский кризис. 11.07.2016 — www.global24news.ru/

Новини світу — www.svit24.net/world/news/25 січня 2012.

Русская колония в Ливане — www.mgimo.ru, 25.04.2013.

Турция и Ливан намерены создать свободную торговую зону. 25.10.2010 — vestikavkaza.ru/news/29312.html.

Al-Akhbar, Beirut.

Cumhuriyet, Istanbul.

Hürriyet, Istanbul.

Milli Gazete, Istanbul.

Milliyet, Istanbul.

Sabah, Beyrouth.

Turkish Foreign Policy Under the AKP Rule: The Limited Role of Turkey in Lebanon. April 2017 — <http://meirss.org/turkish-foreign-policy-under-the-akp-rule-the-limited-role-of-turkey-in-lebanon/>.

Türkiye'nin Lübnan politikası. 24 Nisan 2009 — www.bilgesam.org/tr/index.

Basbakan Erdoganın Beyrut ziyareti isiginda Arabik 24.11.2010 (Анализ турецко-ливанских отношений, представленный турецким Центром ближневосточных стратегических исследований) — www.orsam.tr/files/OA/24/11/2010/.